



# Россия и Монголия: новый взгляд на историю (ДИПЛОМАТИЯ, ЭКОНОМИКА, НАУКА)

Книга 4



Сборник научных трудов



**Министерство образования и науки  
Российской Федерации**

Байкальский государственный  
университет экономики и права

**Академия наук Монголии**

Институт истории  
Институт международных исследований  
Институт национального развития

# **РОССИЯ И МОНГОЛИЯ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ**

**(ДИПЛОМАТИЯ, ЭКОНОМИКА, КУЛЬТУРА)**

*Сборник научных трудов*

Книга 4

Улан-Батор  
Иркутск  
Издательство БГУЭП  
2015

УДК 061.1:911(470+517.3)  
ББК 26.89(5)  
Р76

Печатается по решению редакционно-издательского совета  
Байкальского государственного университета экономики и права

Печатается при финансовой поддержке проекта РГНФ № 15-21-03007 «Концептуальные вопросы российско-монгольских отношений в первой половине XX века: история, политика, экономика» (номер регистрации в ФГАНУ ЦИТиС 115041370110).

Научный руководитель Гранта  
с российской стороны  
д-р экон. наук, проф. **А.П. Суходолов**

Научный руководитель Гранта  
с монгольской стороны  
акад., проф. **Б. Энхтувшин**

Редакционная коллегия  
д-р ист. наук, проф. **Ю.В. Кузьмин**,  
канд. ист. наук, доц. **В.А. Василенко**,  
канд. экон. наук, ст. науч. сотрудник  
**А.Ф. Манжигеев**  
**Л.Н. Крайнова** (отв. секр.)

Редакционная коллегия  
д-р экон. наук, проф. **Т. Дорж**,  
д-р экон. наук, проф. **Б. Болдбаатар**,  
д-р ист. наук, проф. **О. Батсайхан**,  
канд. экон. наук, доц.  
**Н. Отгонсайхан** (отв. секр.)

Р76 Россия и Монголия: новый взгляд на историю (дипломатия, экономика, культура) : сб. науч. тр. — Улан-Батор ; Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2015.

ISBN 978-5-7253-2834-9  
Кн. 4. — 376 с.  
ISBN 978-5-7253-2835-6

Содержит статьи, посвященные анализу отношений России и Монголии в различных аспектах — торгово-экономическом, социальном, региональном, политическом. Дается характеристика российско-монгольских отношений, рассматриваются отдельные исторические события, повлиявшие на отношения между странами.

Для всех интересующихся вопросами истории отношений России с соседними странами.

УДК 061.1:911(470+517.3)  
ББК 26.89(5)

ISBN 978-5-7253-2835-6 (кн. 4)  
ISBN 978-5-7253-2834-9

© Издательство БГУЭП, 2015



«уртон Ходисын» (=Хадасан). На основе этого я определил место боев как сопку Хурум в устье р. Харухын-гол, или Хадасан-гол. Юго-восточнее, в местности Талын-Улан-хад я нашел сопку, где было много старых гильз, а выше в горах — китайский окоп. По данным Торновского я заключил, что это могли быть позиции китайцев, пытавшихся задержать преследователей уже после боев<sup>11</sup>. Однако в последние годы в этой местности удалось найти много остатков старых боеприпасов на 14 сопках. Расспросы местных жителей показали, что там сохраняется память о крупных боях весной 1921 г. Стало ясно, что те бои происходили в Улан-хаде.

Почему же Торновский указал «Ходисын»? Эта ошибка объясняется тем, что он писал свои мемуары по памяти через 21 год. Его кроки в целом согласуются с картой из статьи полковника Генерального штаба А.А. Баторского<sup>12</sup> — самой детальной картой Монголии на то время, к тому же воспроизведенной в известной книге<sup>13</sup>. Река Тола ниже устья Хадасана у Торновского обозначена как Ходисын, а «кар[аул] Ходасын» с этой карты — как урт[он] № 4. Это в 228 км по прямой от Улан-Батора. Очевидно, Торновский и другой очевидец — поручик Н.Н. Князев были на другом урtone и неверно определили его на карте. Ведь они пришли туда с севера, а не с востока — из столицы, откуда шел счет уртонам. Судя по рукописи Торновского, название «Ходисын» он вписал позже поверх текста.

Благодаря изучению архивных данных, мемуаров, полевым исследованиям в Монголии и расспросам местных жителей мне удалось восстановить ход тех боев и составить их схемы. Остатки оружия и боеприпасов сейчас там встречаются редко. По ним различить позиции сторон трудно, так как оружие было в основном одинаковое: китайцы захватили в Нийслэл-хурэ арсенал из поставок России в 1912 г., а Унгерн там же захватил китайский арсенал в феврале 1921 г.

Как развивались события? В ночь с 17 на 18 марта 1921 г. китайцы под ударами красных монголов и частей Народно-революционной армии ДВР оставили Кяхтинский Маймачен. Общая численность китайского гарнизона была 1500 чел.: 500 старослужащих (200 кавалеристов и 300 пехотинцев) и 1 тыс. новобранцев<sup>14</sup>. В Маймачене и его окрестностях было еще несколько тысяч китайских солдат, ушедших из Нийслэл-хурэ. Теперь китайские войска стали уходить с севера Монголии. Часть ушла на юго-восток в сторону заимки Ибицык, часть перешла границу с ДВР (где была разоружена и интернирована), часть — в Маньчжурию<sup>15</sup>. Но большинство двинулось на юг и юго-запад с целью обойти Нийслэл-хурэ с запада и уйти в Китай<sup>16</sup> (рис. 2). По-видимому, они шли несколькими группами, по дороге занимаясь массовыми грабежами и убийствами монгольского населения, а китайских крестьян-колонистов насильно присоединяли к себе<sup>17</sup>.



Рис. 2. Места основных событий, обсуждаемых в данной статье. Сплошная линия — путь белых перед боями с китайцами, штриховая линия — путь ухода китайцев из Монголии

24 марта от Хоботова, командовавшего на севере 2-м конным полком Унгерна, в Нийслэл-хурэ прискакал нарочный со срочным письмом. Он сообщил, что красные монголы потеснили китайцев, которые двинулись на Ургу<sup>18</sup>. Китайцы, очевидно, сначала шли на юго-запад, затем взяли южнее — вдоль р. Орхон<sup>19</sup>. Затем двинулись на юг — вдоль р. Хара-гол на Нийслэл-хурэ. «И действительно, большая часть их появилась в районе Барун-Хара (сейчас п. Баян-гол: 48°53.775'N, 106°13.179'E — *авт.*) в местности Цаган-Булак и Угтал, в горах западнее современного сомона Жаргалантуй, направляясь в местность Улан-хад»<sup>20</sup>. Видели их также в местностях Гурванурт<sup>21</sup>, Хар-Бургас, Хухдийн-обо (восточнее п. Баянчандмань: 48°13.835'N, 106°18.322'E), Гунын-Хар-удзур<sup>22</sup>. Очевидно, китайцы сошли с главной дороги на столицу и пошли на юго-запад в направлении современных поселков Джаргалант и Баян-Чандмань, далее на юг. Их разрозненные группы двигались, сильно растянувшись. Шедшие за ними монгольские разведчики, по воспоминаниям Ж. Гэндэна, определяли путь по валявшейся китайской обуви, одежде, мешкам с едой и т. п.<sup>23</sup>

Из тех мест большие дороги ведут на юго-запад к п. Баян-Цогт (очевидно, именно там находился Дунд-Уртын-байшин, где монгольские разведчики имели стычку с группой китайских солдат и нескольких взяли в плен)<sup>24</sup>. Отсюда дорога идет на юго-запад и выходит с севера в местность Талын-Улан-хад. Это большая долина с сопками, «идущая с северо-востока на юго-запад», северные и восточные склоны которой заключены горным массивом<sup>25</sup> (рис. 3 и 4).

25 марта наскоро собранный отряд унгерновцев под командованием генерал-майора Б.П. Резухина выступил из Нийслэл-хурэ на север. В нем было 355 бойцов<sup>26</sup>. Князев указывает 3-й конный полк (очевидно, эти 355 бойцов) и дивизион тибетцев (Торновский указывает монголов), при 4 орудиях (из них действовали лишь две горные пушки) и 8 пулеметах. По Князеву, под командованием Резухина было 8 сотен. Значит, силы белых и монголов вряд ли превышали 800 чел. — в случае, если сотни были полностью укомплектованы, что маловероятно.

Двигаясь на север главной дорогой от Нийслэл-хурэ, Резухин у р. Хара-гол (по Торновскому, на следующий день после выхода)

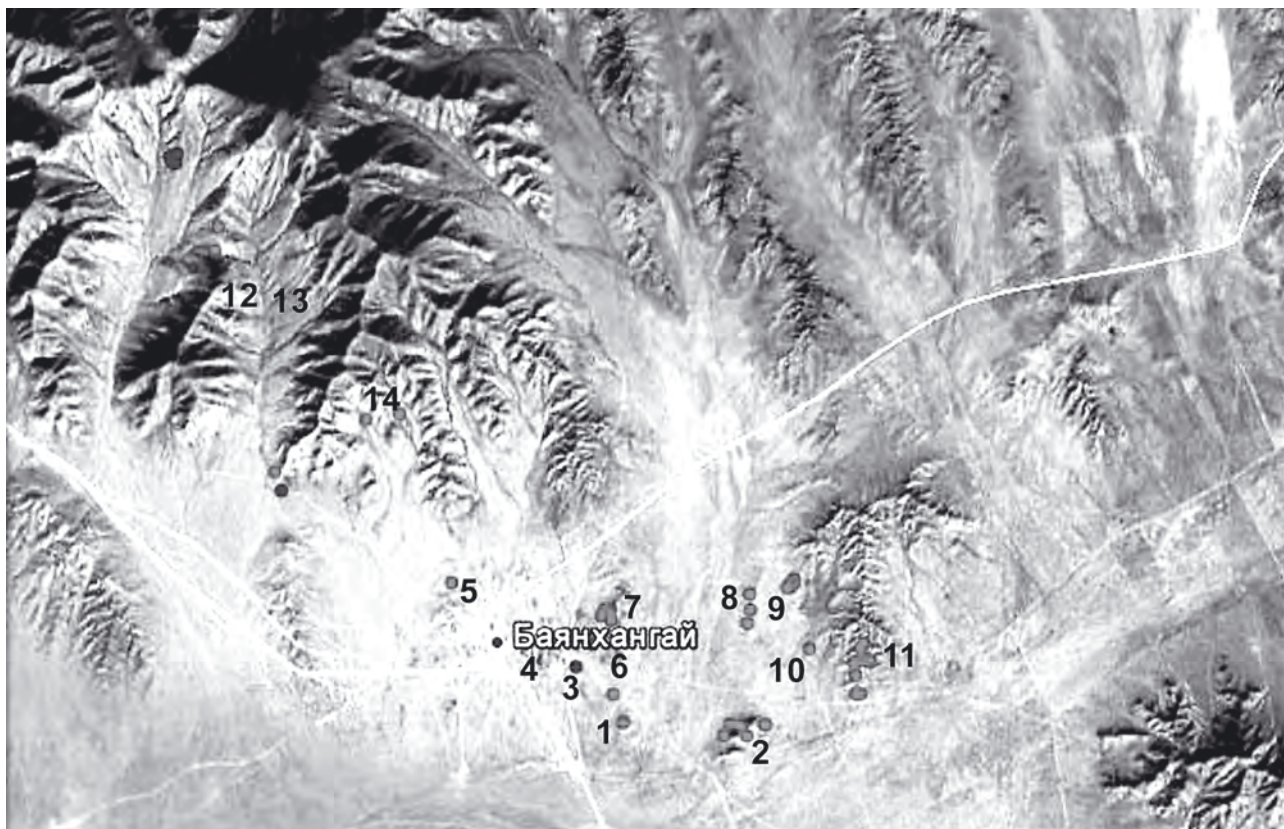


Рис. 3. Местность Улан-хад с номерами высот, местами находок остатков оружия, боеприпасов и китайских окопов



**Рис. 4. Вид на местность Улан-хад с высоты № 11. Видны следующие места (слева направо): высоты № 2 (с двумя вершинами) и 1, п. Баянхангай, высоты № 6 и 7 (небольшие высоты № 3 и 4 перед Баянхангаем незаметны).**

получил еще одно донесение от Хоботова: китайцы пошли не на юг, а куда-то на запад, вероятно, по левому берегу р. Орхон, но буран мешает разведке. Резухин, «не медля ни минуты, двинулся на юго-запад, чтобы выйти на Урга — Улясутайский тракт»<sup>27</sup>. Он «перешел горы Халцан и Гурбан-Урта-нуру и вышел на Ванхурэнский тракт»<sup>28</sup>. В действительности, китайцы все-таки пошли на юг, а не на запад. Затем, от Барун-Хары, они двинулись на юго-запад. По-видимому, Резухин не дошел до этого места и потому не встретил их.

30 марта белые вышли на Улясутайский тракт и остановились ночевать на урtone. Они не могли быть «в пяти верстах от китайского лагеря... в одной из широких падей урочища Баян-гол»<sup>29</sup>: такого названия в том районе нет. Это не мог быть 4-й или 5-й уртон: от них утром белые должны были бы двигаться на северо-восток, а Князев и Торновский указывают другое.

Посоветовавшись, Резухин и Торновский решили, что последний утром пойдет искать противника. Ведь у них не было связи с монгольскими разведчиками. По воспоминаниям одного из них, Ж. Гэндэна, он следовал за

китайцами до самого Улан-хада, и лишь там встретил белых.

31 марта утром Торновский, пройдя около 15 км на северо-запад, наткнулся на разъезд китайской кавалерии и послал донесение Резухину<sup>30</sup>. После 5–6 км преследования он вышел на колонну китайских войск и обозов, двигавшуюся на юго-запад. Вероятно, Торновский наткнулся на китайский разъезд в районе горы Их-Цав-Хангай (47°56.137'N, 105°41.092'E) и, преследуя, вышел с юго-востока в долину между высотами № 1 и 2 (см. рис. 3). Получив донесение Торновского, Резухин с главными силами поспешил к нему. До его подхода Торновский оценил обстановку. «По приблизительному подсчету конных было до 2000 чел., пеших до 3000 чел., мирных китайских купцов до 2000 чел., обоз из 200–300 груженных монгольских подвод»<sup>31</sup>, или около «6000 солдат, из которых 2000 принадлежали к коннице. С ними ехало до 2000 беженцев, ургинских и маймаченских (из-под Кяхты) купцов и чиновников». Колонна растянулась на 3–4 км — очевидно, по всей долине от дороги севернее высоты № 9 до высоты № 1 (рис. 5). У китайцев было 12 орудий и до 30 пулеметов<sup>32</sup>. Значит, они

имели почти десятикратный перевес в живой силе (тем более что вооружили и гражданских лиц — см. ниже), шестикратный — в артиллерии, и четырехкратный — в пулеметах.

После короткого совещания с Резухиным, было решено, что Торновский с монгольской сотней и бурятской сотней Очирова займет высоту № 1 («юго-западная высота») и не будет ввязываться в бой до подхода 2-го конного полка Хоботова с севера. Эта сопка называется Халиун-толгой, или Халиу-толгой (по мемуарам белых она известна как «сопка Торновского»; здесь обозначается как высота № 1: 47°56.436'N, 105°34.277'E). Резухин должен был занять «юго-восточные высоты». Эта сопка называется Талын-Улан-хад, или Талын-Улан-толгой (в мемуарах белых — «Генеральская сопка»; здесь обозначается как высота № 2: 47°56.410'N, 105°35.641'E). Она имеет две вершины.

«После перестрелки с головной сотней, китайцы отошли к южной окраине урочища (т. е. отвели часть войск и обозов к западу и юго-западу от высоты № 1. — *авт.*), в растерянности не предприняв почти никакой попытки к тому, чтобы удержать за собой две сопки, возвышав-

шиеся в середине баянгольской пади» (т. е. высоту № 2 с двумя вершинами. — *авт.*). Одна наша сотня (2 сотни Торновского. — *авт.*) пошла вперед, чтобы занять гору в западной стороне урочища»<sup>33</sup> (высоту № 1. — *авт.*). Заняв высоту № 1, Торновский «рассыпал монгольскую сотню в цепь по склону сопки (это пологий северо-западный склон с небольшой возвышенностью. — *авт.*), пулемет на вершине горы, бурятскую сотню спрятал у подножья горы с юго-восточной стороны (где склон образует возвышенность к юго-востоку. — *авт.*), как резерв, готовый действовать немедленно в конном строю»<sup>34</sup>. Эта сопка имеет очень гладкие и пологие склоны (не круче 15°), доступна для атаки конницей. Конный резерв белых, очевидно, находился у подножья, под прикрытием склона сопки: китайцы были северозападнее (рис. 6).

Резухин с главными силами через падь двинулся к «двум сопкам» (высота № 2 с двумя вершинами). С одной из вершин стреляли 300–400 винтовок, затем китайский батальон, покинув позицию, ушел к главным силам. Резухин немедленно занял и вторую вершину и разместил там четыре сотни и артиллерию.

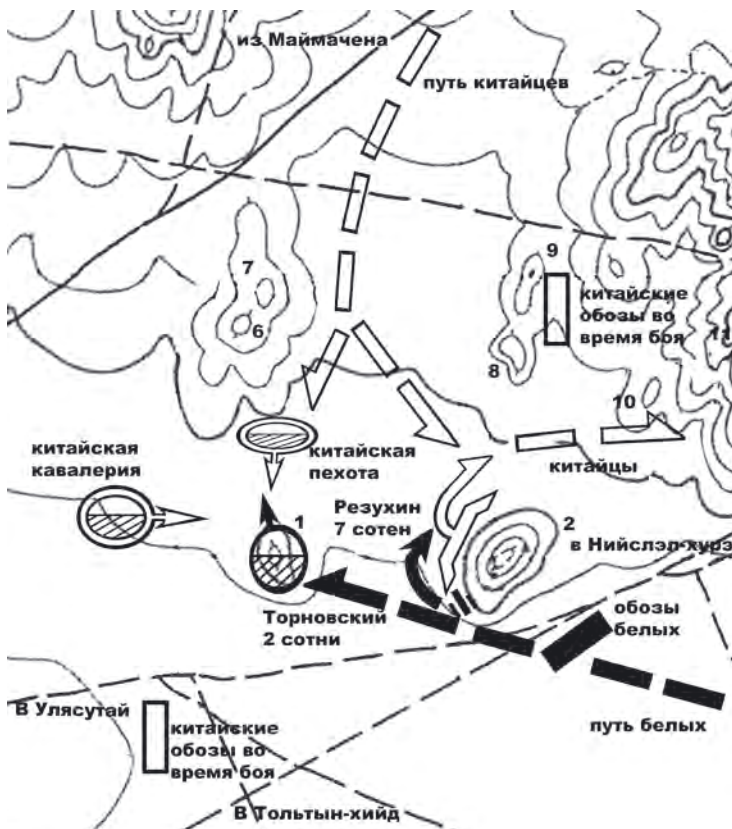


Рис. 5. Бой 31 марта

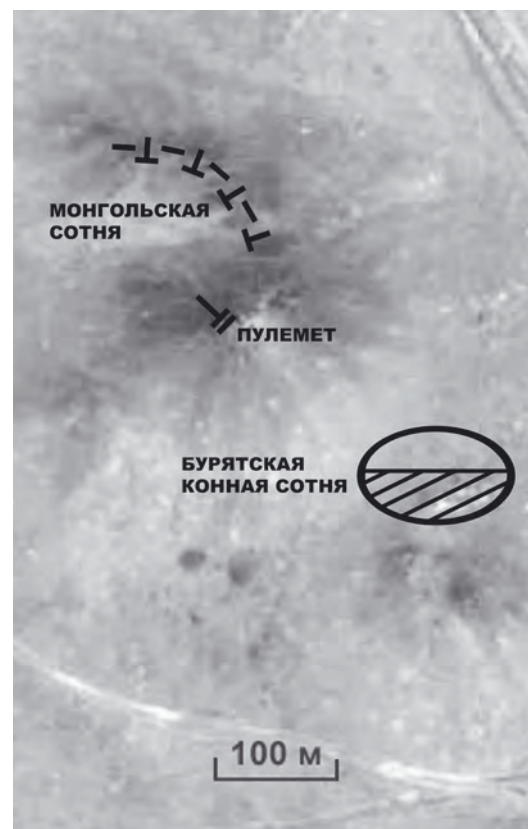


Рис. 6. Позиции белых на высоте № 1 в бою 31 марта 1921 г.

Две сотни (дивизион прапорщика Степаненко) поднялись до полугоры на правом фланге и закрепились. Китайцы, владевшие гребнем горы (высота № 11) их «расстреливали, как им было угодно... артиллерийским и пулеметным огнем с дистанции 1400–1500 шагов»<sup>35</sup>. Минимальная дистанция от него до высоты № 2 — 1400–1800 м. Степаненко прикрывал правый фланг и обозы белых. Китайские обозы, судя по крокам Торновского, во время боя находились между высотами № 8, 9 и 10.

Заняв сопки, белые стали ждать. «Китайские цепи примерно силой до двух батальонов и тремя следующими цепями повели наступление на сопку № 1. Кавалерия строилась для атаки к югу от сопки № 1»<sup>36</sup> (судя по его крокам, к западу. — *авт.*). Торновский приказал пулеметчику держать под огнем китайскую кавалерию, не давая построиться в боевой порядок, а сам с офицерами руководил огнем монгольской цепи по пехоте, наступавшей с северо-запада.

Торновский вспоминал: «Китайские офицеры на конях скакали по своим цепям и подгоняли ташурами<sup>37</sup> китайских солдат. Цепи наступали как на параде. Первая цепь приблизилась шагов на 400–500 к подножию горы. Приказал бурятской сотне идти в атаку, а пулеметчику-офицеру перенести огонь на первую цепь. При первых же очередях пулемета по цепи она залегла, а офицеров с коней сдуло как ветром (кони под ними были убиты). Пустил в атаку бурятскую сотню с фланга и первая цепь побежала, вторая и третья спокойно отходили и, отойдя шагов на 800–1000 от сопки, залегли. Монголы приободрились, стали стрелять спокойнее, нанося китайцам урон, и видно было, как уходили и ползли раненые китайцы в тыл.

Молчание пулемета против кавалерии в течение 20–30 минут дало возможность части китайской кавалерии построиться в боевой порядок и пойти в атаку с дистанцией 1500–1800 шагов, но первыми же очередями пулемета, с дистанции 1000–800 шагов, скосившего сотню всадников, кавалерия повернула обратно, оставив на поле боя больше 100 убитых. Кони носились по полю. В цепях пехоты появилось 5–6 пулеметов, и действительным прицельным огнем стали «поливать» горку № 1, подумать о самосохранении с монголами было некогда, когда они, неся потери от пулеметного огня, в любую минуту стадом могли бежать с горы. Существенную моральную пользу при-

несли пять выстрелов из пушки Гочкиса по атакующей кавалерии при второй атаке. Больше капитан Сементовский не нашел возможным стрелять, так как пять оставшихся снарядов приберегал на крайний случай»<sup>38</sup>.

Мои находки согласуются с этим (рис. 7). У вершины высоты № 1 найден кусок кассеты от пулемета Гочкиса, так называемый тип 4, образца 1914 г., изготовлявшийся в Японии<sup>39</sup>. К нему подходят патроны калибра 6,5 мм к винтовке Арисака 1897–1905 гг. Несколько десятков гильз от них найдено под вершиной, в основном на южном и юго-восточном склонах. Судя по клеймам или их отсутствию на большинстве гильз (здесь и на остальных сопках), они были произведены в Японии, России и Великобритании; изредка встречались гильзы, вероятно, китайского производства. Там, где находилась монгольская цепь, найдены гильзы и обоймы от Арисаки, гильзы от патрона калибра 7,62 мм к винтовке Мосина образца 1891 г. и карабину Мосина 1907 г., сделанные на Петербургском и Тульском патронных заводах в 1901–1904 гг. и на Каинском заводе в 1917 г. Изредка попадались гильзы от патронов калибра 7,92 мм к винтовке Маузер образца 1898 г.



Рис. 7. Гильзы и обоймы от патронов к винтовке Арисака, обоймы от винтовки Мосина, пуля от шрапнельного снаряда к пушке калибра 76 мм, осколок от снаряда (?), не определенные предметы. Высота № 1

В Германии были сделаны и патроны. Такие патроны, произведенные фирмой Deutsche Munizion Fabrik (видимо, в 1911 г.) могли поставляться Германией в Китай перед тем, как там было организовано собственное производство (на части гильз есть китайская маркировка). У русских винтовки Маузер и немецкие патроны к ним появились после Первой мировой войны. Найдена также гильза от патрона для американской винтовки Винчестер.

В 2 ч 30 мин Торновский был ранен и выбыл из строя. Командование он поручил Очирову, командовавшему бурятской сотней. Торновского вывезли на перевязочный пункт в тылу белых в 1000–1500 м юго-восточнее высоты № 2. К ночи туда доставили еще около 10 чел., которые сообщили, что китайцы сделали еще две попытки атаки высоты № 1, но не дошли. В ночь эскадрон китайских войск «погулял в тыле Резухина, но, не причинив никому вреда, ушел на запад»<sup>40</sup>.

1 апреля (на второй день боев, по Князеву) китайцы провели энергичные нажимы на фланги белых. Повторными атаками они сбили дивизион Очирова с высоты № 1. Китайцы применили артиллерию: я нашел на высоте № 1 осколок и несколько пуль от шрапнельного снаряда. Одновременно они теснили дивизион Степаненко на правом фланге белых (рис. 8). «Но помощник командира 3-го полка, Генерального штаба полковник Островский привел туда еще одну сотню и решительными

действиями восстановил первоначальное положение»<sup>41</sup>.

В итоге второго дня боев в руках белых осталась только высота № 2. Их обозы находились там же, где лазарет: в 1000–1500 м юго-восточнее этой высоты. Белые вели огонь с вершины, северного и восточного склонов этой сопки. Я нашел там в основном гильзы и обоймы к Арисаки, меньше — к винтовкам Мосина, Маузер и Лебель. Атаки на правый фланг белых (восток высоты № 2) китайцы прикрывали огнем с южных частей высот № 10 и 11 (дистанции 1200–1400 м). Здесь найдено много гильз от винтовки Арисака, несколько — Мосина и Маузер. Возможно, белые подняли орудие в юго-западную седловину высоты № 2. Там есть круг, сложенный из камней, возможно, для пушки. Оттуда удобно обстреливать противника на высоте № 6. На ней найден осколок, две пули и кусок головной части шрапнельного снаряда.

Китайский лагерь, очевидно, располагался северо-западнее высоты № 4 — там, где сейчас п. Баянхангай (47°57.097'N, 105°32.796'E). По словам местных жителей, при строительстве поселка находили обломки огнестрельного оружия, мечей, пик, штыки, гильзы, китайские курительные трубки, кости людей и т. д. Тыловые позиции китайцев, очевидно, располагались у входа в ущелья в горном хребте Улан-хад северо-западнее их лагеря (высоты № 5, 12, 13, 14). Их важной задачей было запретить сверху наиболее широкое ущелье

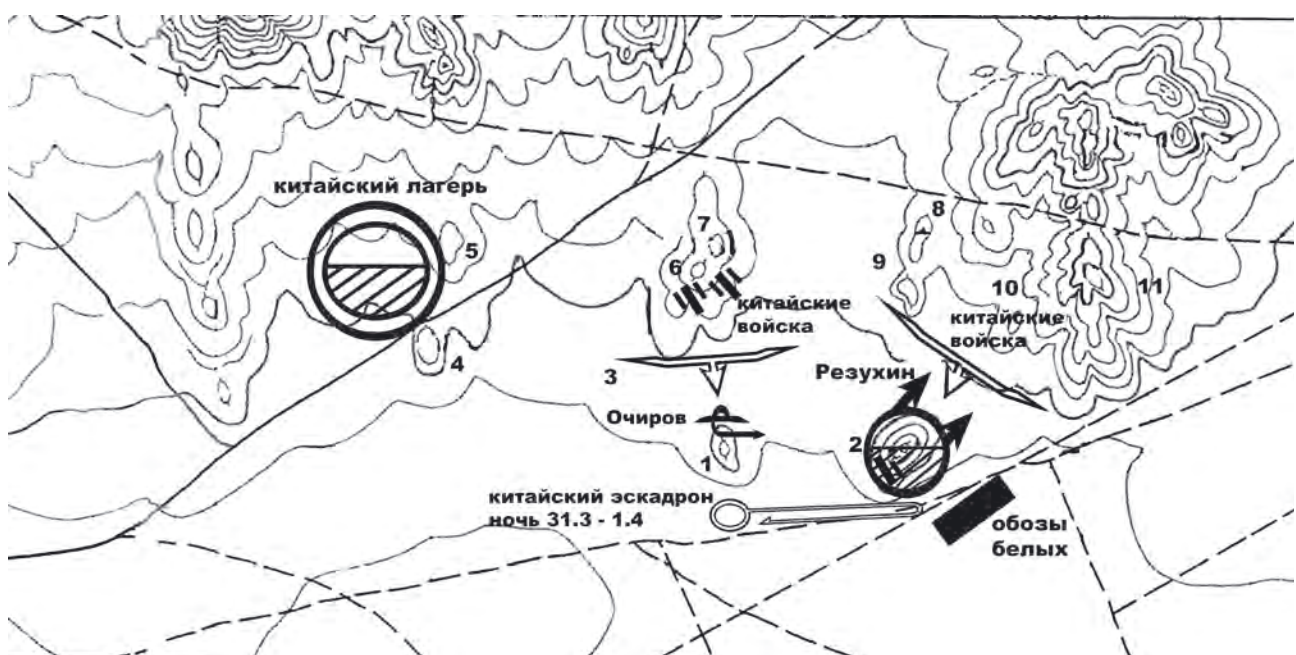


Рис. 8. Бой 1 апреля

к востоку от гребня горы, которое выходит в тыл. Оно называется Таван-Дзутын-ам (ущелье Пятисот) — говорят, в нем находилось 500 солдат. Китайцы вырыли окоп (48°00.276'N, 105°29.682'E) в начале этого ущелья на высоте № 12 — горе Дзурх-ула. По словам местных жителей, неподалеку есть и выкопанный китайцами колодец. Севернее на перевале жители показали несколько больших оплывших канав в песке — как другие китайские окопы (координаты: 48°00.763'N, 105°29.179'E — 48°00.834'N, 105°29.195'E).

«Третий день боя, 2 апреля, начался в совершенно неблагоприятной для нас обстановке. Гэмины обстреливали теперь артиллерийским и пулеметным огнем Генеральскую сопку и угрожающе накапливались против позиции Островского. Очень скоро предприимчивость китайцев дошла до такой дерзости, что их сотня напала на транспорт раненых, перевозившихся в обоз с Генеральской сопки. Правда, сотня эта удалась в сторону сопки Торновского, не приняв атаки ординарцев штаба полка... В 12-м часу дня 2 апреля положение противника начало ухудшаться. До того момента, казалось, достаточно им было бы увеличить нажим на наш

правый фланг, чтобы заставить отойти к обозу. Учитывая это обстоятельство, генерал выслал полусотню с пулеметами на линию обоза, чтобы обеспечить себе более или менее спокойный отход на тыловые позиции»<sup>42</sup>.

«И вот, китайцы по пяти раз сряду бросаются в атаки. Рядом с трупами китайских солдат находят трупы их жен-монголок, сражавшихся бок о бок с мужьями. Монголы, легко поддающиеся в обычных условиях панике, разряжают, как на учении, винтовки. На русского всадника приходится иногда от 10 до 15 китайцев»<sup>43</sup>. Здесь примечательно не только соотношение сил. Жены-монголки могли быть у китайских чиновников и купцов, которым запрещалось ввозить жен в Монголию из Китая. Значит, командование мобилизовало гражданских лиц, которых присоединяло к колоннам (см. выше). Поэтому китайские силы должны были превышать 5–6 тыс. военных.

Положение китайцев 2 апреля стало ухудшаться потому, что к белым стали подходить подкрепления. Рано утром с севера подошел 2-й конный полк Хоботова, который насчитывал 4 сотни, имел 2 орудия и 4 пулемета<sup>44</sup>. «Справа послышались орудийные выстрелы: стреляла

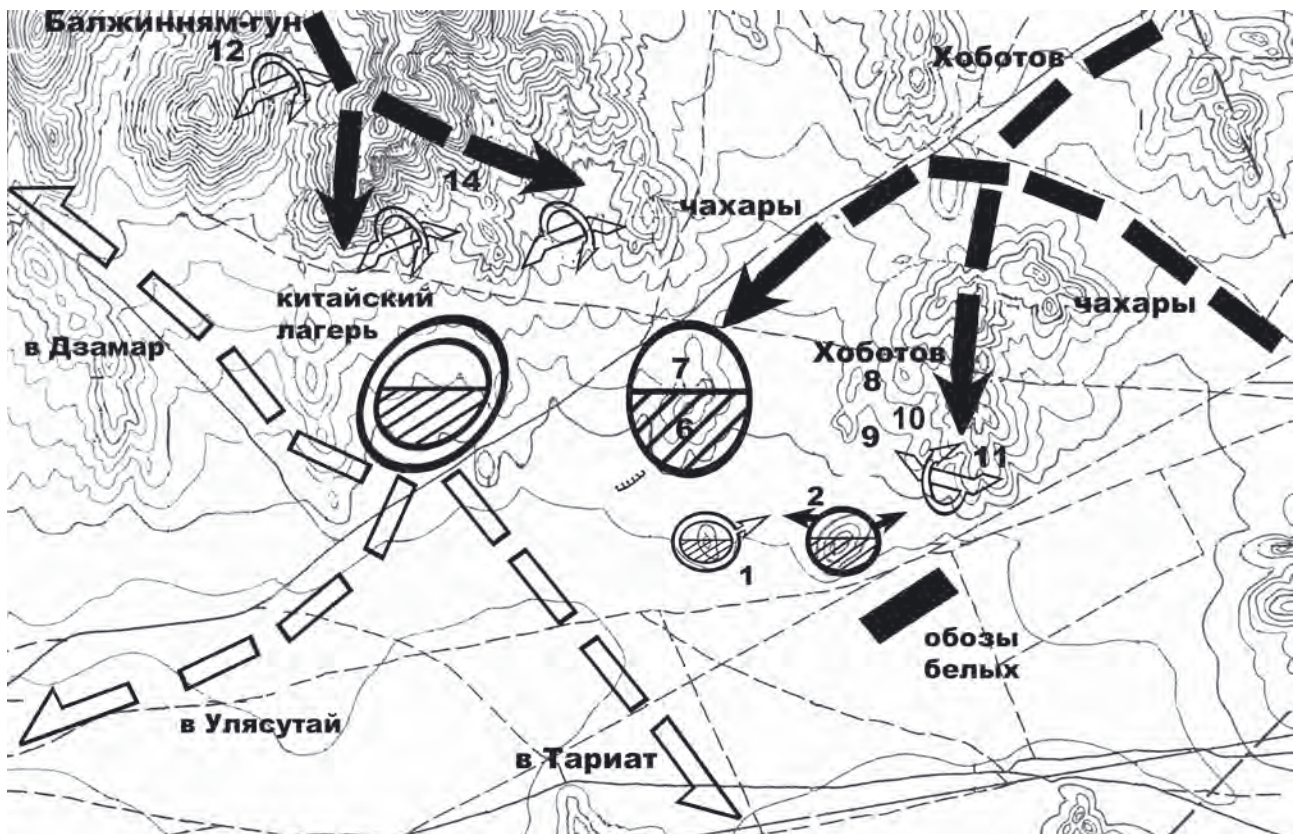


Рис. 9. Бой 2 апреля и направления бегства китайцев (направления на Дзамар, Улясутай и Тариат)

одна пушка, шрапнели которой рвались позади левого фланга китайцев. Подходил 2-й конный полк, с опозданием на двое суток. Полк этот должен был бы “сидеть на хвосте” китайцев, начиная от реки Иро, после боя с их аррьергардом. Но в ночь на 30 марта поднялась такая сильная метель, что Хоботов потерял след и теперь только вновь нашел его, ориентируясь по звукам нашего боя»<sup>45</sup>. Очевидно, казаки Хоботова атаквали с севера высоту № 11 (рис. 9). В результате китайцы, которые с утра повели наступление на правый фланг Резухина, были отброшены<sup>46</sup>.

Унгерн, ранее прибывший в столицу из похода на Чойрын-хурэ, вместе с монгольским военным министром Доржцэрэном собрал находившихся там чахарских<sup>47</sup> солдат<sup>48</sup>. Они прибыли 2 апреля. Возможно, это был дивизион князя Джамц-гуна. По-видимому, чахары атаквали с севера высоты № 6 и 7. «Загрели солидные залпы с тех гор, которые темнели слева от нас, в тылу правого фланга противника. “Это залпует барон”, — подумали мы... Барон объяснил, что он привел из Урги чахар. Это они стреляют по китайскому лагерю с зеленых сопков»<sup>49</sup>.

С юго-запада, из района Лха-Баян (примерно 47°46'N, 103°58'E) был направлен отряд князя Балжинням-гуна, чтобы соединиться с отрядом князя Сундуй-гуна<sup>50</sup>. Отряд Балжинняма подошел к Улан-хаду с запада (по-видимому, утром 2 апреля), а отряд Сундуй подошел с северо-запада<sup>51</sup>. По-видимому, Балжинням захватил высоты № 12, 13 и 14. Теперь монголы могли обстреливать противника и его лагерь с тыла. Балжинням писал в рапорте: «встретились с большим количеством воровских солдат-гаминов и вступили в бой вместе с русскими и чахарскими солдатами. Бой продолжался до вечера»<sup>52</sup>.

С этим согласуются находки в тех местах. На высотах № 8, 9 и 10 найдены гильзы и обоймы от винтовок Арисака, Мосина (Петербургского и Тульского заводов) и Маузер. Много гильз и обойм найдено на высоте № 11. За исключением южной части этой горы, все гильзы там лежали на западных гребнях, спускающихся в долину. Оттуда удобно обстреливать долину и сопки, занятые китайцами западнее, но не юго-западную высоту № 2, занятую белыми. Значит, позиции на этих гребнях вряд ли были китайскими. На высоте № 11 преобладали гильзы и обоймы от винтовки Мосина

калибра 7,62 мм, под тупоконечную пулю, произведенные в Петербурге в 1897–1906 гг. и в Туле в 1901 г., и от Арисака, реже от винтовки Маузер. На юге высоты № 11 найдена также гильза от винтовки Мосина скорее всего под остроконечную пулю образца 1908 г., патрон Керна, под винтовку 1891 г., модификация 1910 г. Такие патроны больше всего использовались в Первую мировую войну, то есть производились в основном после 1912 г. Значит, скорее они были у белых, чем у китайцев — значит, белые могли захватить и южную часть высоты № 11. Местные жители находили старые гильзы (в том числе большие — якобы по 10–12 см), штыки, сабли, деревянные приклады, ружья, пистолеты и кости людей на высотах №№ 12, 13, 14 и в ущельях при выходе на равнину. Особенно много костей было в ущелье Таван-Дзутын-ам. Большие гильзы — возможно, от старых винтовок Бердана, которые часто имели монголы. На высотах № 6 и 7 найдено много винтовочных гильз и обойм (в основном от Арисака и Мосина) — причем только на склонах, обращенных в сторону китайского лагеря.

Итак, китайцы оказались окружены с севера, востока и юго-востока. «При отбитии атаки на правый фланг попал в плен офицер-китаец в чине капитана. Первое, что сделал Унгерн по прибытии на позицию — вызвал китайского капитана и предложил ему поехать к своему начальству и предложить сдаться на условиях: сложить все оружие, сдать воинское обмундирование и имущество, а за это он, генерал Унгерн, пропускает на юг всех солдат и мирных жителей с их имуществом и дает продовольствие и нужное число подвод. Китайский капитан заверил генерала Унгерна, что такие условия для китайского командования будут приемлемы, и обещал через 3–4 часа дать ответ. Китайцы приняли условия Унгерна. Китайский офицер возвратился через два с половиной часа»<sup>53</sup>.

По воспоминаниям Ж. Гэндэна, прибыли 10 китайцев со знаменем, на лошадях, они остановились, и подошел один из них, голова которого была закрыта белой тканью<sup>54</sup>. «С радостным видом он вручил барону письменное согласие начальника отряда, подполковника Чжу (Чжоу. — авт.) (генералы и старшие офицеры убежали из Урги), на предложенные условия. Барон приказал снять три копии с

ответа подполковника Чжу и тотчас же по изготовлении отправить с русскими офицерами на китайские позиции центра и обоих флангов»<sup>55</sup>.

Но не в характере Унгерна было ждать. Он потребовал коня и с переводчиком поскакал в лагерь китайцев. Последние обстреляли его «из центра и с круглой сопочки (Торновско-го)»<sup>56</sup> — т. е. с высот № 1 и, видимо, 3. Унгерн прибыл в лагерь и встретился с Чжоу<sup>57</sup>. Они договорились об условиях сдачи оружия утром 3 апреля. Китайцы должны были сдать всего 14000 ед. огнестрельного оружия, в том числе 15<sup>58</sup> пушек, 6 пулеметов и 5000 маузеров<sup>59</sup>. Унгерн вернулся поздней ночью. К тому времени с запада подошел отряд Бишерельту-гуна Сундую. По Г. Магсаржаву, общая численность войск под началом Унгерна достигла 2500 чел. По словам Сундуя, придя к месту боя, он узнал, что назавтра на 9 час. утра назначена сдача оружия.

Еще до рассвета 3 апреля выяснилось, что «китайские кавалерийские начальники не желали разоружаться и сдать все кавалерийское имущество, и с вечера тихо ушли»<sup>60</sup>. Чтобы обмануть унгерновцев, китайцы зажгли костры, которые горели всю ночь<sup>61</sup>. «Убежало около половины китайцев, в частности, вся конница и группа пехотинцев на подводах»<sup>62</sup>. Большинство китайцев ушло на юго-восток, часть — на запад (по тракту в сторону Улясутая) и северо-запад через территорию современного сомона Дзамар и, видимо, Хадасан-гол.

Хоботов с сотней был назначен для приема оружия. «Целый день... шла сдача оружия и имущества, военного и конского снаряжения. Отделили для китайцев обоз и продовольствие. У мирных купцов ничего не было отобрано, и их подводы были особо выделены. При сдаче оружия многие китайские солдаты обращались к генералу Унгерну с предложением принять их на службу. Унгерн из числа желавших отобрал 600 человек и отправил их в Ургу на формирование конного полка»<sup>63</sup>. В лагере оставались не только купцы, но и китайские крестьяне с детьми и женами-монголками<sup>64</sup>. Считалось, что там осталось около 1000 чел. (из них более половины солдат), обоз и скот<sup>65</sup>. Это противоречит мемуарам: должно было остаться гораздо больше (см. выше). В Нийслэл-хурэ отправили 990 китайцев и 700 повозок<sup>66</sup>.

Китайцев, уличенных в разбое, было приказано казнить. Ж. Гэндэн вспоминал: «Мы...

должны разделить, убить разбойников гаминов. Остальных надо отправить в Хурэ. Пришло такое сообщение. Мы пошли и остановились на южной стороне Цав-Хангая, и там начали разделять, кого убить, кого нет. Вечером, разделив, более 400 человек отправили в Хурэ. Оттуда выделили 40 монгольских женщин»<sup>67</sup>. Значит, причина бегства могла быть в том, что некоторые китайские военные опасались наказания за грабежи и убийства.

Унгерн приказал отряду Балжинняма и трем сотням 2-го полка догнать бежавших, «рубить без пощады стриженных (революционеров), но монархистов (с косами) не трогать»<sup>68</sup>. Резухину с 3-м полком было приказано идти в поддержку преследователей. Унгерн присоединился к погоне позже. А.Ф. Оссендовский в долине Толы видел кучи трупов людей, лошадей, верблюдов, покореженные повозки, амуницию, котелки<sup>69</sup>. Это был обоз отступавших китайцев, разгромленный тибетцами (скорее, чахарами). Это может быть болотистое низовье Харухынгола, к северо-западу от Улан-хада<sup>70</sup>. По воспоминаниям Князева, за время преследования в юго-восточном направлении от Улан-хада были перебиты сотни беглецов, были потери и у белых. Дальнейшее преследование было поручено монголам. Навстречу им с юго-востока двигался отряд Баяр-гуна. 6 апреля Баяр-гун встретил китайских солдат, бежавших группами по 200–300 чел. Ему сдалось около тысячи человек<sup>71</sup>. По рассказам очевидцев, лишь немногие смогли спастись. Итак, неверны выводы, что Унгерн, по тайной договоренности с китайцами, сам помог их бегству, а затем вел преследование очень вяло<sup>72</sup>.

Итоги боев под Улан-хадом так описаны в агентурном донесении в штаб 5-й советской армии 16 апреля 1921 г.: погибло более тысячи китайцев, около 100 монголов и около 30 русских и бурят. Оссендовский, который проезжал Улан-хад в начале мая 1921 г., приводит другие цифры: «Мы очутились на поле битвы, где разыгралось третье крупное сражение за независимость Монголии... Около пятнадцати сотен трупов остались непогребенными и еще столько же, согласно свидетельству сопровождавших меня и тоже участвовавших в битве казаков, успели предать земле. Тела убитых были исполосованы саблями, на земле повсюду валялось военное снаряжение. Пастухи-монголы отошли подальше от этого зловещего

ристаллища, а на их место пришли волки, которых мы видели на всем пути — то притаившихся за скалой, то укрывшихся в канаве. В борьбу за добычу с ними вступали стаи одичавших собак»<sup>73</sup>.

По рассказам местных жителей, люди избегали селиться или кочевать в тех местах. Но именно здесь в 1977 г. стали строить госхоз Атар (сейчас п. Баянхангай), хотя на восток и запад много свободной земли: тут проходит ответвление от тракта Улан-Батор — Улясутай. Старики рассказывали, что в горах Улан-хад и в степи около Атара валялось много обломков колес, телег, куски оружия, одежды, гильзы, обувь с костями ног, черепа и т. п. На месте стройки проводилась «очистка». Но еще в 1990-х гг. люди собирали и сдавали металл десятками килограммов.

Об итогах боев при Улан-хаде Унгерн писал князю Найден-гуну: «Я только что возвратился из похода против гамин, которые шли от Кяхты, думая пробраться на юг между Ургой и Дзаин-

шаби. Мне удалось их окружить, несмотря на огромное количество, и только благодаря тому, что часть монгольских сотен прозевала, не все попали в плен. Во всяком случае, взято в плен около 4000, во главе с генералом Джа-у, очень много убитых, захвачено оружие, пулеметы и обоз. Из Улясутая и Дзаин-шаби получены известия, что там китайские войска сдали оружие; таким образом, на западе все теперь благополучно, на востоке также все идет хорошо»<sup>74</sup>.

Бои при Улан-хаде были последним крупным сражением с китайскими оккупантами в Монголии. Это одно из важнейших событий борьбы монгольского народа за независимость и национальную государственность.

**Благодарности.** Благодарю за содействие в получении архивных материалов, определении остатков боеприпасов, помощи в полевой работе Б. Баяра, Ж. Оюунчимэг, С. Чулууна, О. Батсайхана, Ж. Алтанцэцэг, З. Лонжида, С.Е. Плотникова, С.В. Дмитриева, Э.В. Молодякову, Т. Оуюнбазара, Д. Бумаа, А.Р. Ефименко, Ж. Нэргуйа, госпожу Бужинлхам и жителей п. Баянхангай.

### Примечания

<sup>1</sup> Кузьмин С.Л. История барона Унгерна: опыт реконструкции. М.: КМК, 2011.

<sup>2</sup> Почтовая станция на тракте. Там проезжающие могли остановиться и сменить лошадей. Обычно уртоны ставили через каждые 25–30 км.

<sup>3</sup> Голубев. Воспоминания. Hoover Inst. on War, Revol. and Peace, DK254/U7G662, 1926. С. 143; Князев Н.Н. Легендарный барон. Харбин: БРЭМ, 1942. С. 92.

<sup>4</sup> Архив внешней политики РФ (Москва) (АВГПРФ). Ф. Референтура по Монголии. Оп. 2. П. 104. Д. 31. Л. 12.

<sup>5</sup> Навааннамжил Г. Өвгөн бичээчийн өгуулэл. Улаанбаатар, 1956. С. 240–242. (На монг. яз.); Центральный архив Министерства обороны (Улан-Батор) (БХТА). Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 1–9.

<sup>6</sup> Волков Б.Н. Об Унгерне. Hoover Inst. on War, Revol. and Peace (Stanford, CA, USA): CSUZ36008-A, pages 1–53; Coll. title: Boris Volkov (м/ф), Box no 15; Folder no 18, p. 1–101; Folder no 9, p. 65–76об; 119–122), 1921.

<sup>7</sup> Доржсүрэн Д. Бароныг баривчилсан хун. УБ: Шувуун саарал, 1993. С. 89. (На монг. яз.).

<sup>8</sup> Оссендовский Ф. И звери, и люди и боги. М.: Пилигрим, 1994. С. 243.

<sup>9</sup> БХТА. Ф. 1. Оп. 1, Ед. хр. 7. Л. 1–9; Государственный центральный архив (Улан-Батор) (МУУТА). Ф. А3. Оп. 1. Д. 260. Л. 2–4а; Магсаржав Н. Монгол улсын шинэ туух. УБ, 1927; Навааннамжил Г. Указ. соч. С. 240–242; Ширендыб Б. 1960. История Монгольской народной революции 1921 г.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1960; Монгол ардын журамт цэргийн дуртгалууд. УБ: Улсын хэвлэлийн газар, 1961. С. 142–143; 1985. С. 509, 658; 1986. С. 274. (На монг. яз.).

<sup>10</sup> Торновский М.Г. События в Монголии — Халхе в 1920–1921 годах. Военно-исторический очерк (воспоминания). Шанхай, 1942. Л. 33а.

<sup>11</sup> Кузьмин С.Л. Указ. соч. С. 196.

<sup>12</sup> Баторский А.А. Монголия. Опыт военно-статистического очерка // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1891. Карта IV.

<sup>13</sup> Козлов П.К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. М.; Пг., 1923.

<sup>14</sup> Белов Е.А. Барон Унгерн фон Штернберг: биография, идеология, военные походы 1920–1921 гг. М.: Аграф, 2003. С. 62.

<sup>15</sup> Кислов А. Разгром Унгерна. М.: Воениздат, 1964. С. 33.

<sup>16</sup> Ширендыб Б. Указ. соч. С. 457–458.

<sup>17</sup> Магсаржав Н. Указ. соч. С. 211; Навааннамжил Г. Указ. соч. С. 240–242.

<sup>18</sup> Датировки ниже даются по Князеву (1942): они лучше согласуются со сведениями из монгольских источников и датой освобождения кяхтинского Маймачена красными, чем датировки Торновского (1942): он дает все на 9–12 дней раньше. В рукописи последнего даты исправлены: видимо, автор не был уверен в их точности.

<sup>19</sup> Торновский М.Г. Указ. соч. Л. 33об.

<sup>20</sup> Ширендыб Б. Указ. соч. С. 457–458.

<sup>21</sup> Магсаржав Н. Указ. соч. С. 210.

- <sup>22</sup> Монгол ардын журамт цэргийн дуртгалууд. 1961. С. 142–143.
- <sup>23</sup> Там же.
- <sup>24</sup> Там же.
- <sup>25</sup> Торновский М.Г. Указ. соч. Л. 33об.-34.
- <sup>26</sup> Там же. Л. 33об.
- <sup>27</sup> Там же.
- <sup>28</sup> Князев Н.Н. Указ. соч. С. 91.
- <sup>29</sup> Там же. С. 92. Не исключено, что Баян-гол указан Князевым потому, что белые ранее останавливались в районе п. Баян-гол у р. Хара-гол.
- <sup>30</sup> Торновский М.Г. Указ. соч. Л. 33об.
- <sup>31</sup> Там же. Л. 34.
- <sup>32</sup> Князев Н.Н. Указ. соч. С. 92.
- <sup>33</sup> Там же. С. 92.
- <sup>34</sup> Торновский М.Г. Указ. соч. Л. 34.
- <sup>35</sup> Князев Н.Н. Указ. соч. С. 92.
- <sup>36</sup> Торновский М.Г. Указ. соч. Л. 34.
- <sup>37</sup> Монгольская палка с хлыстиком, чтобы погонять лошадей.
- <sup>38</sup> Торновский М.Г. Указ. соч. Л. 34об.
- <sup>39</sup> Оружие и боеприпасы определил С.Е. Плотников, ЦМВС.
- <sup>40</sup> Торновский М.Г. Указ. соч. Л. 34об.–34а.
- <sup>41</sup> Князев Н.Н. Указ. соч. С. 93.
- <sup>42</sup> Там же.
- <sup>43</sup> Волков Б.Н. Указ. соч.
- <sup>44</sup> Торновский М.Г. Указ. соч. Л. 34а.
- <sup>45</sup> Князев Н.Н. Указ. соч. С. 94.
- <sup>46</sup> Торновский М.Г. Указ. соч. Л. 34а.
- <sup>47</sup> Чахары — одна из южно-монгольских народностей.
- <sup>48</sup> Магсаржав Н. Указ. соч. С. 211.
- <sup>49</sup> Князев Н.Н. Указ. соч. С. 94.
- <sup>50</sup> Навааннамжил Г. Указ. соч. С. 240–242.
- <sup>51</sup> БХТА. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 1–9.
- <sup>52</sup> МУУТА. Ф. А3. Оп. 1. Д. 260. Л. 2–4а.
- <sup>53</sup> Князев Н.Н. Указ. соч. С. 94.
- <sup>54</sup> Монгол ардын журамт цэргийн дуртгалууд. 1961. С. 142–143.
- <sup>55</sup> Князев Н.Н. Указ. соч. С. 94.
- <sup>56</sup> Там же. С. 95.
- <sup>57</sup> Торновский М.Г. Указ. соч. Л. 34а.
- <sup>58</sup> Так в оригинале.
- <sup>59</sup> Магсаржав Н. Указ. соч. С. 211.
- <sup>60</sup> Торновский М.Г. Указ. соч. Л. 34а.
- <sup>61</sup> Голубев. Указ. соч.; Alioshin D. Asian Odyssey. Ld etc.: Cassell and Co., Ltd., 1941. P. 239.
- <sup>62</sup> Князев Н.Н. Указ. соч. С. 95.
- <sup>63</sup> Торновский М.Г. Указ. соч. Л. 35.
- <sup>64</sup> Магсаржав Н. Указ. соч. С. 211.
- <sup>65</sup> Цибилов Б. Разгром унгерновщины. Улан-Удэ: Бур.-Монг. гос. изд., 1947. С. 97.
- <sup>66</sup> Монгол ардын журамт цэргийн дуртгалууд. 1961. С. 142–143.
- <sup>67</sup> Там же. С. 143.
- <sup>68</sup> Князев Н.Н. Указ. соч. С. 95.
- <sup>69</sup> Оссендовский Ф. Указ. соч. С. 242.
- <sup>70</sup> Кузьмин С.Л. Указ. соч. С. 194.
- <sup>71</sup> АВПРФ. Ф. 0111. Оп. 2. П. 104. Д. 47. Л. 72–72а; Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39454. Оп. 1. Д. 9. Л. 43–44.
- <sup>72</sup> Навааннамжил Г. Указ. соч. С. 240–242; Цибилов Б. Указ. соч. С. 97.
- <sup>73</sup> Оссендовский Ф. Указ. соч. С. 243–244.
- <sup>74</sup> АВПРФ. Ф. 0111. Оп. 2. П. 104. Д. 47. Л. 26–26об.; РГВА. Ф. 39454. Оп. 1. Д. 9. Л. 27–28.